

биографии и психологического склада, иными словами, проходили мимо самого существа дела. А заключается оно в том, что в 1820 — начале 1830-х годов в России была создана оригинальная литературная и эстетическая система, которая не укладывалась в рамки ни классицизма, ни романтизма, которая отразила своеобразие путей развития русской эстетической и литературоведческой мысли и противоречия которой — это противоречия катенинской эпохи, эпохи, когда романтизм терял свою господствующую роль в литературе, уступая ее реализму.

Из исследователей Катенина ближе всех к такой постановке вопроса подошел Ю. Н. Тынянов, но цели, поставленные им в статье «Архаисты и новаторы», позволили ему лишь вскользь коснуться этой проблемы. В. Н. Орлов, Г. В. Ермакова-Битнер, много сделавшие для разносторонней и исторически достоверной характеристики творчества Катенина, занимались в большей мере его художественными произведениями, чем эстетическими, литературоведческими и театроведческими работами. И хотя в последние годы деятельность Катенина как критика, историка и теоретика искусства стала привлекать к себе больше внимания⁶, целостная характеристика его литературно-эстетических позиций, разгадка «парадокса Катенина» остается делом будущего.

* * *

В начале 1820-х годов Катенин активно участвует в спорах о романтизме. Показательна, в частности, позиция, занятая им в дискуссии о трагедии Озерова «Фингал»⁷. Начал эту дискуссию А. Жандр, упрекавший драматурга за допущенные им анахронизмы, несоответствие характеров времени действия и «местности». Отвечавший Жандру В. Соц не столько спорил с ним, сколько апеллировал к авторитету Вяземского, сопроводившего, как известно, собрание сочинений Озерова обширной статьей о его жизни и творчестве. Катенин в статье «Еще слово о Фингале» решительно стал на сторону Жандра. Однако важна не столько сама по себе катенинская оценка трагедии Озерова, сколько литературно-эстетическая программа, определявшая эту оценку.

Резко разошедшиеся в отношении к «Фингалу» Вяземский и Соц, с одной стороны, Жандр и Катенин — с другой, сходились, однако, в одной первостепенного значения предпосылке. Говоря об этом прямо либо подразумевая это, все они считали романтизм положительным качеством, достоинством литературного произведения. Вяземский и Соц отстаивали литературно-эстетическую значительность Озерова, когда называли его романтиком. Жандр и Катенин лишали его такого права. За этим расхождением крылись принципиальные отличия в самом понимании романтизма, в критериях, на основании которых то или иное произведение определялось как романтическое. Для Вяземского фактором первостепенного значения был эмоциональный мир озеровской трагедии, в частности меланхолия Фингала. Жандр и Катенин именно в этой меланхолии усматривали черту, не свойственную нравам и обычаям его века, т. е. отступление от верности местного колорита, вне которого ими не мыслился романтизм.

Вопросы, затронутые во время дискуссии о «Фингале», вновь оказываются в центре внимания Катенина, когда в 1822 г. он выступил одним из инициаторов полемики вокруг книги Греча «Опыт краткой истории русской

⁶ Лапкина Г. А. П. А. Катенин. В кн.: Очерки истории русской театральной критики. Конец XVIII — первая половина XIX века. Л., «Искусство», 1975, с. 119—123; Киреева Э. И. Катенин и Пушкин. Проблема историзма. — В кн. Вопросы художественного метода, жанра и характера в русской литературе XVIII—XIX веков. Сб. трудов. МГПИ, 1975, с. 68—81.

⁷ Об этой дискуссии см. Королева И. В. Декабристы и театр. Л., «Искусство», 1975.